

Б.Н. Комиссаров

**Н.Е. КОПОСОВ. КАК ДУМАЮТ ИСТОРИКИ.
М.: Новое литературное обозрение, 2001. 236 с.**

Книга Н.Е. Копосова читается не просто с увлечением, а жадно, на одном дыхании. Она отличается интеллектуальной честностью, искренней доверительностью и большой смелостью. Автор анатомирует мышление историка, обнажает то, что скрыто за страницами исторических сочинений, раскрывает происхождение реконструкций прошлого, просто пишет о том, о чем ни в России, ни за рубежом не писали. Он предпринимает исследование сочинений историков не для того, чтобы постичь, как они *отразили* историческую реальность, а с целью показать, как они *создали* эту «реальность».

В советские времена такая книга появиться бы не могла. Взгляды Н.Е. Копосова были бы категорически отвергнуты как проявление субъективного идеализма, и это явилось бы логичной реакцией на них тогдашнего режима, который боролся с субъектами, изгонял, преследовал, нивелировал субъективное, что в итоге стало основной причиной его краха. Возникнув в новое время, он стал его анахронизмом, завел страну в тупик, выйти из которого можно только пятась. Ведь сама нововременная историческая эволюция неразрывно связана с прорывом субъекта на новый уровень знания, раскрепощением человеческой личности, появлением условий для ее творчества.

Но может ли научное творчество быть абсолютно объективным? Конечно, нет, ибо все, что доступно нашему наблюдению, представляет собой систему, а значит, к ней как ее элемент принадлежит и наблюдатель. Поэтому принципиально невозможно существование ни абсолютного наблюдателя, ни абсолютной истины. Тем не менее, в естественных науках допустима опора на эмпирическое обобщение, совокупный опыт, полученный путем эксперимента. История же относится к числу таких наук, в которых экспериментальное знание неосуществимо. Субъективность исторического знания — его интегральное свойство. Между тем, субъективное начало автора исторического труда доходит до читателя, пропущенное сквозь призму методологий и методик исторических школ, течений, концептуальных построений, регламентируется ими, что имеет целью придать ему научный характер и сообщить претензии на объективность.

Безупречно владеющий мировой литературой по теории исторического познания, Н.Е. Копосов на примере французской истории 60-х гг. XX века и ряда других истори-

ографических направлений убедительно показывает, что вся эта квазинаучная, профессорская, университетская регламентация, эта более или менее искусная обработка изначального субъективизма историка вовсе не делают его исследование менее субъективным. Автор берется, пожалуй, за самое сложное — критический анализ происхождения представления о социальных структурах, демонстрирует конфликт между номинациями и классификацией, многозначность и неточность используемых историками терминов, непоследовательность в их применении, появление «слов-вездеходов», по выражению французского исследователя Жака Рансьера. Читатель получает возможность проследить генезис понятий «общество», «государство», «класс», эволюцию понятия «социальное», он как бы становится свидетелем исторической изменчивости наукообразных регламентаций, окутывающих субъективность историка. Вскрывается историчность структур текста исторических трудов, анализируется их рубрикация, напоминающая, по образному сравнению Люсьена Февра, ящики старого комода. Политически или социально ангажированными оказываются все, решительно все, писавшие историю — и либеральные французские профессора конца XIX в., и советские адепты истмата, и блестящие анналисты, и талантливые российские историки культуры, противостоявшие со времен «оттепели» официальной коммунистической идеологии. Всеобщим явлением было и остается восприятие и истолкование истории как средства патриотического воспитания, что, естественно, жестко противоречит ее научным амбициям.

В заключение автор призывает историков отказаться от «идеи разума-культуры», то есть заниматься не реконструкцией прошлого, а пытаться «понять, как история создается и функционирует в настоящем». Он объясняет это тем, «что, дойдя до крайних пределов своего логического развития, идея разума-культуры исчерпала свой потенциал». Между тем, к возникновению упомянутого кризиса и самому появлению рецензируемой книги как его бесспорного свидетельства можно подойти с другой стороны.

Человечество стремительно меняет сферу своего обитания: биосфера уступает место техносфере, в которой изменяются все приоритеты, критерии, оценки и ориентиры. Мы находимся у рубежа постнового времени со своими особыми типологическими признаками. История, пусть по Копосову и придуманная (он это удачно доказывает), всегда была нужна человечеству как якорь, чтобы стабилизировать себя в пространстве-времени, не затеряться в нем. При приближении к границе нового времени эта роль оказывается утраченной: у границы не затеряешься, она уже видна. Востребованность обществом реконструкций прошлого падает. И совсем не случайно Н.Е. Копосов, оставляя коллег по цеху у этой новой границы, рекомендует им пристально взглянуть в себя и товарищей по профессии и изучать свою и их субъективность как начало всех начал.